

УДК 94 (47). 081

П. А. ВАЛУЕВ: ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА «МИНИСТРА-БЮРОКРАТА»

Е. Н. Морозова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: morozovaen@mail.ru

Статья посвящена проблеме репрезентации образа власти на примере министра внутренних дел России, Петра Александровича Валуева, ключевой фигуры в реализации Великих реформ. Исследование источников помогло выявить причины создания в массовом сознании негативного образа чиновника – представителя высшей политической элиты. В работе анализируются те формы и методы, которые придали Валуеву комплекс символических характеристик, приведших к персонификации образа «классического бюрократа».

Ключевые слова: П. А. Валуев, Министерство внутренних дел, образы власти, Великие реформы, чиновничество, рациональная бюрократия, массовое сознание.

P. A. Valuev: Ways of Forming the Image of a «Minister-bureaucrat»

E. N. Morozova

The paper considers the problem of the representation of authority image on the example of Petr Alexandrovich Valuev, a key figure in the realization of the Great Reforms. The sources studied allowed to reveal the causes for the creation of the negative image of an official representing the political elite in the mass consciousness. The author analyzes the ways and forms that gave Valuev the complex of symbolic characteristics leading to the personification of the image of a «classical bureaucrat».

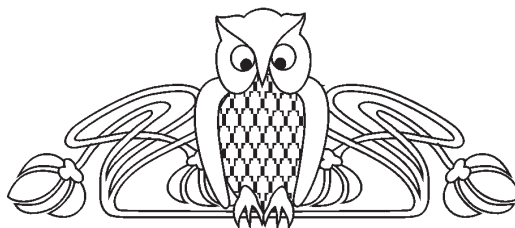
Key words: P. A. Valuev, Ministry of Internal Affairs, authority image, Great Reforms, officialdom, rational bureaucracy, mass consciousness.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-391-398

П. А. Валуев, министр внутренних дел, представлял собой ключевую фигуру на политическом Олимпе эпохи Великих реформ. С его именем связана реализация законопроектов, подготовленных Редакционными Комиссиями, и создание собственной модели земского самоуправления, нашедшей свое воплощение в Положении о земских учреждениях 1864 года.

Действующие лица этой эпохи так или иначе получили свое отражение в массовом сознании: Александр II – «Царь-Освободитель», Н. А. Милютин – «Кузнец-Гражданин»¹. А вот имидж П. А. Валуева прочно ассоциировался с негативным образом бюрократа «с ног до головы»².

В статье предпринимается попытка рассмотреть формы и методы создания в общественном сознании 1860–1870-х гг. образа «министра-бюрократа». Этот сюжет интересен еще и тем, что в политической жизни России предреформенного пе-

риода курляндского губернатора П. А. Валуева с его знаменитой «Думой русского во второй половине 1855 года» считали олицетворением либерализма³. Его известные сентенции – «Сверху блеск, снизу – гниль», «Грустно...» – неоднократно повторялись во многих произведениях бесцензурной печати второй половины 1850-х годов. М. А. Шумилов отмечает, что, видимо, под прямым воздействием валуевской «Думы...» была написана записка Ю. Л. Кубе, которая во многом повторила инвективы Валуева по поводу состояния управления в России⁴.

П. А. Валуева, который с 1858 г. работал под руководством М. Н. Муравьева в Министерстве государственных имуществ⁵, не пригласили в Редакционные Комиссии, что, судя по дневниковым записям, его очень задевало, тем более что он имел собственные взгляды на решение крестьянского вопроса в России⁶.

После подготовки законоположений о крестьянах, полицейской реформы, первых проектов коренного преобразования местного управления либеральная бюрократия надеялась на проведение всего комплекса реформ одновременно. Н. А. Милютин и С. С. Ланской предвидели массу печальных последствий от частичной реализации проектов. «Весь успех великого дела, – отмечал Н. А. Милютин, – будет зависеть от того, как оно будет приводиться в исполнение»⁷.

Для всей либеральной бюрократии, да и для самих ее лидеров, отставка руководства Министерства внутренних дел стала полной неожиданностью. Все изменения готовились в такой глубокой тайне, что Н. А. Милютин до последнего надеялся на то, что он будет утвержден в должности товарища министра внутренних дел или даже получит пост министра. Эту уверенность в нем поддерживал А. В. Головнин, который передавал Милютину слова вел. кн. Константина Николаевича⁸. Но и П. А. Валуев не знал, какой пост ему предназначен. В дневнике от 21 апреля 1861 г. есть лаконичная запись: «Вчера утром Сиверс говорил о моем назначении министром внутренних дел. У Муравьевых говорили о моем назначении министром народного просвещения. В комитете министров – о назначении министром финансов. И, наконец, сегодня гр. Блудов объявил по поручению государя, что я буду назначен управляющим министерства внутренних дел»⁹.

Думается, что именно в этой ситуации нужно искать точку отсчета – начало формирования образа бюрократа «с ног до головы» – П. А. Валуева. В действительности проблема заключалась не сколько в личности самого Валуева, столько в глубоком убеждении либеральной части общества, что апрельские события 1861 г. знаменовали победу реакции, приход к власти оппозиции, противников либералов-реформаторов. Поэтому любой чиновник, занявший ключевой пост в Министерстве внутренних дел, априори бы считался консерватором, реакционером-бюрократам. Доказательством тому служит интенсивная переписка между Н. А. Миллютиным, В. А. Черкасским, Ю. А. Самариним, А. В. Головиним весной 1861 года. По словам Н. А. Миллютина, «оппозиция продолжает свое дело и еще более ярится». Он пишет о «триумvirате» (Строганов, Панин, Долгорукий), который овладел «мыслями царя». Окружение Александра II Миллютин попросту называл «многочисленной дворней», «развратной и ленивой челядью». Он не жалел колких замечаний и обидных эпитетов для своих противников: «Сообщников их – легион. Бутковский – их верный холоп. “Мой друг” Шувалов им будет помогать по убеждению и по расчету, хотя смотрит в другую сторону на всякий случай»¹⁰.

Либеральная бюрократия, потерявшая свои ключевые посты, безусловно, была недовольна назначением П. А. Валуева на пост главы Министерства внутренних дел. В их глазах Валуев много проигрывал Н. А. Миллютину и по его реформаторским качествам, и по личным.

Сам Миллютин считал свою отставку, и особенно ее форму («Ланского и меня отстранили от министерства, не дождавшись инициативы с нашей стороны»)¹¹, крайне несправедливой. «Нам объяснили, – пишет он, – что это необходимо для примирения с дворянством. И, кажется, серьезно думают, что такие огромные жертвы уничтожат благородное сословие». В этом письме дается та характеристика Валуева, которая обозначит комплекс характеристик, которые в глазах либеральных реформаторов, присущи новому главе Министерства внутренних дел. Валуев «громогласно заявил, со свойственным ему классическим красноречием, что он будет исполнять Положение строго и буквально, но в духе примирения. Задача, как видите, легкая. Что из этого всего выйдет, трудно предсказать. Но, кажется, несомненно, что начинается опять трагикомическое *qui pro quo*, которого мы были свидетелями, между Государем, с одной стороны, и его многочисленной дворней – с другой. Дворян хоть и привычна ставить вопрос личного влияния выше всех других, но на этот раз хранят очевидную затаенную надежду переделать то, что сделано, на свой лад (курсив мой. – Е. М.). Нет внутреннего двигателя – Редакционных Комиссий»¹².

Д. А. Оболенский, личный друг Н. А. Миллютина, утверждал, что «назначением лиц, враждебных реформам», правительство «надеялось ограничить размер их применения»¹³.

Следовательно, уже в первой половине 1861 г., когда П. А. Валуев еще никак не проявил себя в качестве главы ведомства, он уже начинает персонифицироваться в образе «классического бюрократа» с определенным набором негативных характеристик: реализация реформ в «духе примирения», «классическое красноречие», карьеризм. Эта начавшаяся персонифицированная репрезентация образа власти пала на благодатную почву.

Назначение П. А. Валуева было неслучайным. Александр II, пытаясь достичь консенсуса и примирить интересы враждующих сторон, выступал в роли верховного арбитра¹⁴.

П. А. Валуев, с одной стороны, принадлежал к старинному дворянскому роду, породнился с высшей аристократией (через свою первую жену, урожденную Вяземскую), имел опыт административной деятельности в должности курляндского губернатора, возглавлял 2-й и 3-й департаменты в Министерстве государственных имуществ, возглавлял с 1 января 1861 г. кабинет министров. Все это должно было успокоить консервативную часть элиты.

С другой стороны, назначение П. А. Валуева, участника «лермонтовского кружка шестнадцати», человека, близкого пушкинскому кругу, автору «Думы», по мнению власти, должно было отвечать чаяниям либеральной части общества.

Но реальность оказалась много сложнее. Действительно, для консерваторов П. А. Валуев был джентльменом, воплощенным типом *comme il faut*¹⁵. Но с точки зрения политических взглядов он выглядел отъявленным либералом, космополитом, сторонником и проводником западных идей¹⁶. Причем они не видели большой разницы между «красным» Миллютиным и аристократом Валуевым. Для консервативной части дворянства александровские преобразования означали «ниспровержение существующих порядков», чуть ли не начало конституционного правления.

Но, вместе с тем, консерваторы считали назначение Валуева лучшим из возможных вариантов. В. П. Мещерский замечает, что «в условиях, когда все кипело каким-то озлоблением к дворянству и каким-то стремлением ко всему новому, очень серьезная существовала опасность для государства от назначения на место министра внутренних дел какого-нибудь молодого гения, по внушению или Михайловского, или Мраморного дворца в духе либерализма... Валуев же был человеком вне партий, спокойный и уравновешенный. Слишком образованный и джентльмен, чтобы симпатизировать начинавшим зарождаться Базаровым как кандидатам для государственных должностей»¹⁷. Мещерскому вторит Е. М. Феоктистов: «Удаление с поста в то время Н. А. Миллютина было счастливым событием, хотя очень жаль, что во главе Министерства внутренних дел оказался такой пустой и ничтожный фразер, как Валуев. Миллютин, закусив удила в борьбе, продолжал бы действовать в усвоенном им на-

правлении, и, Бог знает, какими отразилось бы это последствиями»¹⁸.

Для либерального дворянства Валуев являлся консерватором. После введения крестьянской реформы сложилась новая общественная обстановка. Эйфория подготовительного периода постепенно сменялась скепсисом и разочарованием: слишком разителен был контраст между общественными ожиданиями и результатами реформаторской деятельности начала 1860-х годов. Либеральная часть дворянства, недовольная Положением 1861 г., заявляла о своих претензиях в сфере центрального и местного управления, требовала введения центрального представительного органа в той или иной форме. Об этом шла речь на тверском, новгородском, рязанском, смоленском, петербургском, тульском, московском дворянских собраниях в 1862–1863 гг.¹⁹

Таким образом, П. А. Валуев оказался чужим и в стане консерваторов, и в стане либералов. Сам Валуев замечал, что «дара привязывать людей» у него нет: «Друзей я не имею и не мог иметь». Он с легкой завистью говорил о своем бывшем тесте П. В. Мещерском, у которого был широкий круг друзей и знакомых²⁰. Судя по заметкам в дневнике, Валуев трезво оценивал отношение к себе: «Меня не любят и любить не могут»²¹.

Негативный образ представителя высшей политической элиты создавался и консерваторами, и либералами. В своих высказываниях были единодушны П. В. Долгоруков и В. П. Мещерский, А. В. Никитенко и М. Е. Салтыков-Щедрин, М. П. Веселовский и Ю. А. Самарин, К. Н. Лебедев и Е. М. Феоктистов. И не счесть им числа.

Критические стрелы были направлены как против его профессиональной деятельности, так и против его человеческих качеств, внешнего облика и пр. Авторы мемуаров в один голос отмечают любезность П. А. Валуева, умение себя вести, спокойствие, присущее истинно светскому человеку. Но даже его достоинство превращались в недостатки.

П. В. Долгоруков, описывая внешность министра, отмечал: «высокого роста, осанистый, сановитый, изысканно одетый, с головой высоко поднятой, с речью важной, умеет самым величавым образом усердно угождать во всем временщикам и людям, ему нужным»²².

В. П. Мещерский замечал, что Валуев как начальник был весьма почтенным и симпатичным человеком. Внешность его и стиль речи характеризовались примерно теми же словами, что и у Долгорукова: «Статен, красив, говорил с хладнокровием и известной торжественностью»²³. Продолжая свою мысль, автор мемуаров утверждал, что Валуеву были присущи «помпезность речи», «культ фразы», любовь к «музыке своих изречений». В то же время он «не любил углубляться в предмет», в речах его чувствовалось «утомительное однообразие»²⁴.

Мещерского поражало внешнее хладнокровие П. А. Валуева. Все элементы духовной жизни:

«злость, негодование, ненависть, радость, восторг, нежность» никогда не находили отражения или выражения в его лице. «Барометр у него как будто стоял постоянно на ясной погоде», и именно это производило «известное тягостное впечатление»²⁵.

Мещерский сомневался и в его профессиональных административных качествах. «Валуев, — отмечал он, — будучи образованным человеком, внимательным слушателем, *никогда не мог быть администратором, призванным брать инициативу на себя*» (курсив мой. — Е. М.)²⁶.

В. П. Мещерский активно подчеркивал чужеродность П. А. Валуева в среде консерваторов, заявляя, что министр не знает России и ее внутренней жизни. Он относил Валуева к убежденным представителям либерального космополитизма²⁷. Интересно заметить, что и Е. М. Феоктистов относил к лагерю «закоренелых космополитов» Валуева, Шувалова и одновременно Н. А. Милютину, на которого «большое влияние оказала Франция с нарождавшимися на ее почве доктринами, которые ее самое довели до гибели»²⁸.

С откровенной неприязнью характеризовал П. А. Валуева сенатор М. П. Веселовский, служивший под началом Валуева, что при вступлении в должность «он был *очень любезен* и почти каждому сказал что-нибудь лестное. Но общее впечатление скорее было неблагоприятно: мне казалось, что он рисуетя и говорит неискренне». Автор мемуаров считал его плохим чиновником, который «пытался показать, что он один в министерстве представляет действительный авторитет», что «оскорбляло подчиненных». Веселовский утверждает, что валуевский либерализм был показным, ибо он «выказывал замашки крайнего самовластия» (последние два слова в рукописи зачеркнуты и заменены словами «совершенного произвола»)²⁹.

А. В. Никитенко, рассказывая о первой встрече с П. А. Валуевым, писал: «Валуев был лучезарен как восходящее светило. Он наговорил *кучу любезностей*». Позже автор мемуаров характеризовал Валуева как «человека не без ума, но с *ног до головы бюрократа*», который понимал «государственные дела не иначе, как канцелярские отношения и рапорты», хотя и «говорил *иногда пышно и кудряво*»³⁰.

Сенатор К. Н. Лебедев замечал, что Валуев не пользовался популярностью и «едва ли имел теплых приверженцев». Причину должно искать «в *холодности самого Валуева*», «для которого *личный успех всегда имел преобладающее влияние*»³¹.

Таким образом, современники сформировали образ Валуева как бюрократа «с ног до головы», который уже начиная приобретать комплекс символических характеристик. Недаром все приведенные цитаты приверженцев разных лагерей так похожи друг на друга. «Воплощенному бюрократу» свойственны: цветистая речь, внешний лоск, лицемерие, показной либерализм, отсутствие профессионализма в служебных делах, пристрастие к бумажной волоките.

Свою лепту в репрезентацию образа верховной власти внесла и русская литература. В массовом сознании уже существовал стереотипный образ бюрократа (вспомним бессмертного «Ревизора»).

В предреформенный период подцензурная пресса и художественная литература своими средствами создавали мрачную картину состояния внутреннего управления в стране. В критике российской бюрократии, бюрократических принципов политической системы России были едины и П. А. Валуев, и «рюрикович» П. В. Долгоруков, и «красный либерал» А. М. Унковский, и камергер высочайшего двора М. А. Безобразов, и председатель Департамента законов Государственного совета, будущий председатель Государственного совета и Комитета министров граф Д. Н. Блудов, и будущий военный министр Д. Н. Милютин, и представители славянофилов (И. С. Аксаков, К. С. Аксаков, А. И. Кошелев, Ю. Ф. Самарин) и западников (К. Д. Кавелин, М. Н. Катков, Б. Н. Чичерин).

Несмотря на созданную ими картину удручающего бюрократического гнета, чиновничьего самоуправления в России накануне реформ, по мнению некоторых исследователей, нельзя «переоценивать степень недовольства дворян бюрократией»³².

Б. Н. Миронов отмечает, что «писатели и современники **намеренно преувеличивали недостатки русской бюрократии** (так у автора. – *Е. М.*) по той простой причине, что их цель, когда они писали о ней, состояла в том, чтобы опорочить и косвенно дискредитировать верховную власть»³³.

С 1856 г. стали публиковаться в «Русском вестнике» «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Александр II прочел книгу (по настоянию В. Н. Панина) и заявил, «что радуется появлению таких произведений в литературе»³⁴.

В тот период критика и обличение «диктатуры бюрократии» имели позитивный смысл, ибо еще Н. В. Гоголь в автокомментарии к «Мертвым душам» писал, что «бывает время, когда нельзя иначе устремить общество или даже – все поколение к прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости»³⁵. На самом деле это была дирижируемая «гласность». Шквал критики должен был создать в общественном сознании позитивное отношение к готовящимся реформам и позитивный образ верховной власти как их инициатора.

Общественное мнение было единым в оценке свойств и принципов «бесконечно усложненной машины российского бюрократизма»³⁶.

Однако в дореформенный период в публицистике и беллетристике бюрократия выступает как безликая многоголовая гидра. П. В. Долгоруков под бюрократией понимал «злонамеренную администрацию, легион голов», «татарскую орду, которая грабит и терзает Россию»³⁷. М. Н. Катков язвительно критиковал «вездесущность дореформенной администрации», «присвоившей себе атрибуты, подобающие лишь всемогущему и всезнающему божееству»³⁸.

В постреформенный период ситуация изменяется: начинается поиск «врага», который персонально должен ответить за все недостатки преобразовательного процесса, как с точки зрения консерваторов, так и либералов. И его олицетворением стал П. А. Валуев. Шел процесс придания реальной личности комплекса символических черт, заостренных и типизированных, присущих «министру-бюрократу» как представителю так нелюбимого в России чиновничества.

В рамках одной статьи даже сложно перечислить те произведения, в которых П. А. Валуев мог узнать себя (А. Н. Островский, М. Е. Салтыков-Щедрин, Л. Н. Толстой, К. Прутков, А. Н. Майков, А. Н. Апухтин и пр.).

Насмешкам подвергались показной либерализм и видимость реформаторства. «Что такое реформа? – вопрошает М. Е. Салтыков-Щедрин от имени своего героя Ивана Филовертова. – Реформа есть такое действие, которое человеческим страстям сообщает новый полет. А коль скоро страсти получили полет, то они летят... Не успевают оставить гавань одной реформы и стремятся к другой»³⁹.

М. Е. Салтыков-Щедрин относил Валуева к типу «либералов-соловьев», певших временно вследствие «засорения желудка» либеральные «фиоритуры», а про себя думавших: «Ах! Как бы я тебя жамкнул, если бы только умел»⁴⁰. Министрство, возглавляемое им, писатель называл «Ведомством предвкушений свобод» и «Министерством Препон и Неудовлетворений»⁴¹.

Традиционно принято считать, что в знаменитом произведении К. Пруткова «Сон Попова» в сатирическом ключе изображен П. А. Валуев⁴². Вошел министр / Он видный был мужчина / Изящных форм / С приветливым лицом... / Мой идеал – полнейшая свобода / Мне цель – народ – и я слуга народа⁴³! Однако литературовед И. Г. Ямпольский считает, что мы имеем дело не с пасквилом на определенного министра, а с собиравшимся портретом бюрократа 1860–70-х гг., гримасничающего под либерала. Министр из «Сна Попова» – гораздо более емкий художественный образ; в нем мог узнать себя не один Валуев⁴⁴.

Пьеса того же автора «Торжество добродетели» была запрещена к постановке в начале 1860-х гг. По этому поводу В. М. Жемчужников (один из создателей литературного псевдонима К. Пруткова) писал в письме А. Н. Пыпину, что причина запрещения заключалась в том, что «Валуев принял тип министра за свой»⁴⁵.

Несмотря на то что действие комедии перенесено во Францию, П. А. Валуев в образе министра плодородия увидел карикатуру на себя. Там был намек и на либеральные увлечения молодости («Народов идеал, свобода золотая») и затем – их резкое осуждение («Мне было семнадцать лет, когда я написал эту глупость»)⁴⁶. Пьеса в традициях критического реализма обличает карьеризм, лицемерие высшего чиновничества, показной либерализм: «Нет на свете государства свободнее

нашего, которое, наслаждаясь либеральными политическими учреждениями, повинуются вместе с тем малейшему указанию власти»⁴⁷.

Такой же собирательный образ сановника-бюрократа был выведен в стихотворении А. Н. Майкова «Другу Илье Ильичу»: Тиран ты – но какой? Тиран либерализма! / А с этим можешь ты – не только всё ломать, / Не только что в лицо истории плевать, / Но, тиская под пресс свободы, – половину / Всего живущего послать на гильотину!»

Публикация этого стихотворения вызвала немалый скандал. Оправдываясь перед П. А. Валувым, Майков в отчаянии пишет министру, что в образе Ильи Ильича поэт представил «мелькавший тогда, как мода, тип недоучившегося либерала, который перестраивает мир по своим принципам». Поэт заявляет, что эти «недоучившиеся либералы» недовольны правительственными преобразованиями, находя их нерешительными полумерами (хотя при этом некоторые и не отказывались от выгод службы). Эти либералы, по утверждению Майкова, хотели «устроить Россию по Фурье, по Луи Блану и воображали, что свободу и просвещение надобно вводить насильственными мерами, одним словом, утверждали, что для осуществления идеала не следует останавливаться ни перед какими жертвами»⁴⁸.

Поэт убеждает министра, что в своей сатире подметил характерные черты бюрократа, сложив их в «один общий тип». Майков утверждал, что он, во-первых, «противупоставил ему тип старого времени, из поколения “отцов”, которые при всем своем необразовании и грубых замашках все-таки большею частью были добрые люди, имели сердце».

Во-вторых, объясняет поэт, он отнесся «к новому типу иронически», и в заключительных стихах, желая довести его до большего абсурда, хотел передать только то, что «такой господин в своем праздном самодовольстве мог бы про себя думать»⁴⁹.

Безусловно, в этом длинном и витиеватом объяснении А. Н. Майкова можно подметить важный штрих: выявление характерных черт бюрократа, «сложенных в один тип», т. е. как раньше писалось в учебниках литературы: создание типичного образа.

Точно так же обобщенные черты бюрократа современники находили в образе сановника А. А. Каренина, отдававшего все свои силы государственной службе. Если вдуматься, Каренин – человек чести, под внешней, казалось бы, непроницаемой броней скрывалось чувствительное сердце.

По мнению некоторых современников, именно П. А. Валув послужил прототипом А. А. Каренина, о чем в письме от 7 мая 1877 г. Н. Н. Страхов пишет Л. Н. Толстому⁵⁰. (Удивительная метаморфоза, если вспомнить, что молодой П. А. Валув послужил прототипом П. Гринева, воплощением образа романтического дворянского отпрыска.)

В романе Л. Н. Толстого из разных мнений представителей большого света складывается образ «замечательного человека», «государствен-

ного мужа, равных которому нет в Европе», «немножко консерватора», живущего «искусственной жизнью». Эта жизнь воплощается в будничной служебной деятельности: докладах, переписке, приемах, назначениях, увольнениях, распределениях наград, пенсий, жалованья.

Но такова уж магия таланта Л. Н. Толстого, что читатель смотрит на героя глазами его жены Анны и круга Бетси Тверской. Образ «замечательного человека» и «выдающегося государственного мужа» заслоняет другой – глазами Анны Карениной: «Снисходительно отвечая на заискивающие поклоны, то дружелюбно, рассеянно здороваясь с равными, то старательно выжидая взгляда сильных мира и снимая свою круглую большую шляпу, нажимавшую кончики его ушей. Она знала все эти приемы, и все они ей были отвратительны (курсив мой. – Е. М.). “Одно честолюбие, одно желание успеть – вот все, что есть в его душе, – думала она, – а высокие соображения, любовь к просвещению, религия, все это – только орудия для того, чтобы успеть”»⁵¹.

Русская литература и в пореформенный период носила обличительный характер. В вышеупомянутом письме Н. Н. Страхов с большим пиететом пишет Л. Н. Толстому: Вы «обличаете больше, чем Тургенев, Некрасов и Салтыков»⁵².

В довершение к уже сформированному образу «министра-бюрократа» П. А. Валуева, благодаря беллетристике, добавилась и еще одна черта. Он предстает в глазах общества как одиозный писатель романов из великосветской жизни. Злую шутку сыграла магия таланта И. Гончарова, который находился в дружеских отношениях с П. А. Валувым. Последний представил на суд избранного круга свой роман «Лорин», который был прочитан на литературных вечерах у писателя в 1876–1877 годах. В гончаровской повести «Литературный вечер» П. А. Валув выведен под фамилией Бебикова. Писатель весьма положительно характеризует человеческие качества своего героя: «В свете его любили, за огромное богатство, за открытое гостеприимство, за приветливость, а близкие люди – за капитальные достоинства ума и характера»⁵³. Но последующие характеристики сводят на нет этот комплимент: «Роман начался с описания блестящего бала, на котором появляются два главных лица романа, или герой и героиня. Он – граф, она – княгиня»⁵⁴. Как отмечает Л. Синякова, «акцентирование великосветского статуса как хозяина дома, так и приглашенного на чтение автора и избранных гостей, формирует соответствующую персонажно-композиционную “рамку”: светский роман читается в светском кругу»⁵⁵.

Литературное творчество П. А. Валуева требует специального исследования, но здесь можно только заметить, что устами Бебикова Валув утверждает, что он хотел в форме романа высказать свои идеи, наблюдения, опыт и взгляды «на нашу общественную жизнь, на наши дела», на

искусство, на литературу: «Я еще избрал роман как форму, в которой мне легче высказать мои тезисы и мои цели»⁵⁶.

Формирование образа «министра-бюрократа» продолжила и либеральная историография, посвященная Великим реформам. А. А. Кизеветтер считал, что приход в Министерство внутренних дел П. А. Валуева «означал собой смену правительственного курса». В глазах исследователя Валуев являлся «бойким редактором контр-освободительных проектов» и принятие им «под свое покровительство Комиссии о губернских и уездных учреждениях» для нового министра «являлось обременительным наследством»⁵⁷.

Более того, Кизеветтер оценивал взгляды П. А. Валуева как крепостнические⁵⁸.

В ряду историков либеральной школы выделялся Г. А. Джаншиев своим негативным отношением к Валуеву. Он характеризовал П. А. Валуева как «равнодушного, лишенного твердых убеждений, двуличного гибкого карьериста», представителя «новой полированной мягкостелюющей бюрократической генерации, не столь невежественной, как старая», но «не менее близорукой, нетерпимой, самодовольной и самонадеянной»⁵⁹.

Либеральные историки были апологетами Редакционных Комиссий и их вдохновителя – Н. А. Милютин. Безусловно, их воззрения на личность Валуева свойственна гиперболизация, своего рода «навешивание ярлыков». При всех возможных недостатках Валуева его взгляды ни в коем случае нельзя назвать «крепостническими».

Безусловно, П. А. Валуев знал о том образе бюрократа, который формировался современниками, публицистикой и беллетристикой. Его это страшно задевало. Он вкладывал в понятие «бюрократ» совершенно другой смысл. Как и А. А. Каренин, главным делом своей жизни Валуев считал государственную службу.

В своем дневнике Валуев парировал обвинения в двуличности и лицемерии. Министр внутренних дел объяснял свои колебания тем, что в сложной ситуации начала реализации крестьянской реформы верховная власть не проявляла решительности. Он отмечал 28 декабря 1861 г.: «Мое положение становится более и более затруднительным. Не принадлежа ни к какой партии, меня почти все партии считают полусвоим. Трудно избежать при этом ненавистной мне двуличности (курсив мой. – Е. М.), а между тем еще нельзя быть явным особняком, потому что высочайшая воля колеблется, и, следовательно, я рисковал бы испортить дело попыткой торопливо прекратить ее колебания»⁶⁰.

Подводя итоги своему семилетнему пребыванию в должности министра внутренних дел, П. А. Валуев отмечал, что «я инстинктивно чувствовал шаткость моего мнимого значения. Я уже знал, что у нас часто желают достижения цели, не желая необходимых для ее достижения средств. Я

постепенно познавал, что от новых лиц ожидают, прежде всего, такой изобретательности, которая устраняла бы все правительственные затруднения новыми внешними приемами... При таких условиях, я должен был действовать осмотрительно, рассчитывать на время... Это не могло не давать моим действиям некоторого вида нерешительности, быть может, даже шаткости»⁶¹.

П. А. Валуев был сторонником повышения эффективности управления в России. Он имел обширную программу всесторонних преобразований, которая включала в себя идеи «правительственного конституционализма», преобразования в военной сфере, в сфере решения национального вопроса, гласности, свободы в религиозной сфере. Он выступает как талантливый религиозный мыслитель. Однако эта программа не была известна современникам.

Для Валуева, в отличие от общественного сознания, понятие бюрократии не было наполнено негативом, если чиновник добросовестно выполнял свои обязанности⁶². Представления П. А. Валуева напоминают теорию рациональной бюрократии М. Вебера (хотя Валуев, естественно, не мог быть с ней знаком), которая основана на двух базовых принципах: рационализме и эффективности. В представлении Вебера, профессионал-бюрократ должен работать с полной самоотдачей в целях эффективного функционирования системы управления⁶³.

Проводником идей П. А. Валуева стали герои его романов. Свое понимание истинного значения понятия «бюрократ» Валуев озвучил устами своего персонажа из романа «У Покрова в Лёвшине»: «Бедный труженик, как я, например, непременно обзывается бюрократом, формалистом, канцеляристом. Я всю жизнь трудился, не делал зла, быть может, приносил пользу – и я бюрократ. Какой-нибудь господин, которого сегодня выбирают, потому что он вчера покричал, и который завтра что-нибудь испортит или растратит, – тот не бюрократ, а живой человек» (курсив мой. – Е. М.)⁶⁴.

Сам П. А. Валуев ощущал себя человеком, который должен нести свой крест, несмотря на окружающую его атмосферу неприязни. Показательно, что одно четверостишие, которое, видимо, отражало его мироощущение, он вложил в уста героя романа «Черный бор» и отдельно опубликовал его в «Русской старине»⁶⁵:

*Без цели не даны ни радость, ни страданье;
Есть в счастье заповедь, в печалях есть призванье.*

*Смирненно вознося мысль к Богу твоему,
Не спрашивай: «Господь! за что?» Спроси:
«К чему?»*

Примечания

¹ О путях создания образа харизматического лидера см.: Морозова Е. Н. Н. А. Милютин в воспоминаниях

- и эпистолярном наследии его жены, М. А. Милютинной // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 4. С. 25–32 ; *Кизеветтер А. А.* Кузнец-гражданин (из эпохи 60-х годов). Очерк деятельности Н. А. Милютинна. Ростов н/Д, 1905.
- ² *Никитенко А. В.* Моя повесть о самом себе и о том, чему свидетель я в жизни был. Записки и дневник. 1804–1877 : в 2 т. 2-е изд. СПб., 1904–1905. Т. 2. С. 316.
 - ³ По мнению И. В. Оржиховского, П. А. Валуев «начинал как либерал» до начала 1860-х гг., и принадлежал к числу «константиновцев» – представителей либеральной бюрократии, группировавшихся вокруг вел. кн. Константина Николаевича. Но позже его взгляды, утверждает автор, как и многих деятелей того периода, претерпели эволюцию вправо. См.: *Оржиховский И. В.* Из истории внутренней политики самодержавия в 60–70-е годы 19 века. Горький, 1974. С. 17, 60.
 - ⁴ *Шумилов М. А.* Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX века. М., 1991. С. 31–32. См. также: *Незванов Н. Н.* «Дума русского гражданина» // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 647. Оп. 1. Д. 53. Л. 4.
 - ⁵ П. А. Валуев возглавлял 2-й–3-й департаменты Министерства государственных имуществ, с 1 января 1861 г. занимал должность управляющего делами Кабинета министров, с 23 апреля 1861 г. стал управляющим Министерства внутренних дел, с 9 сентября 1861 г. – министр внутренних дел. См.: *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи 1802–1917. Биобиблиографический справочник. Изд. 2. СПб., 2003. С. 119.
 - ⁶ Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел : в 2 т. М., 1961 (далее – *Валуев П. А.* Дневник). Т. 1. 1861–1864. С. 311.
 - ⁷ *Семенов Н. П.* Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Хроника деятельности Комиссий по крестьянскому делу Н. П. Семенова. СПб., 1889. СПб., 1891. Т. 3, ч. 1. С. 346.
 - ⁸ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 869. Оп. 1. Д. 1149. Л. 23–24.
 - ⁹ *Валуев П. А.* Дневник. Т. 1. С. 136.
 - ¹⁰ РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1149. Л. 41.
 - ¹¹ Там же. Л. 26 ; *Валуев П. А.* Дневник. Т. 1. С. 104.
 - ¹² РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1149. Л. 37–38. С. С. Секиринский отмечает, что назначение Валуева свидетельствовало не столько о «победе реакции», сколько о принципиальном согласии стать исполнителем и проводником принятых законопроектов. См.: *Российские консерваторы.* М., 1997. С. 160.
 - ¹³ *Оболенский Д. А.* Мои воспоминания о великой княгине Елене Павловне // Русская старина. 1909. Т. 137, кн. 3. С. 62.
 - ¹⁴ Исследователи видят в подобной позиции мудрость Александра II, проявляющуюся в «обостренном чувстве баланса». *Pereira N.* Tzar – Liberator : Alexander II of Russia. 1818–1881. Newtonville (Mas.), 1983. P. 1–2.
 - ¹⁵ См.: *Меццеский В. П.* Воспоминания. М., 2001. С. 102.
 - ¹⁶ См.: *Егоров А. Н.* Формирование образа либерала в консервативных кругах российской империи второй половины XIX века (на примере работ князя В. П. Меццеского) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Общественные и гуманитарные науки. 2013. № 5 (134). С. 8.
 - ¹⁷ См.: *Меццеский В. П.* Указ. соч. С. 102–103.
 - ¹⁸ *Феоктистов Е.* За кулисами политики и литературы. 1848–1896. М., 1991. С. 321.
 - ¹⁹ См.: *Пуримова Н. М.* Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977. С. 67–70.
 - ²⁰ См.: *Валуев П. А.* Дневник. Т. 1. С. 78.
 - ²¹ Там же. С. 78–79.
 - ²² *Долгоруков П. В.* Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860–1867. М., 1992. С. 294–295.
 - ²³ *Меццеский В. П.* Указ. соч. С. 145.
 - ²⁴ Там же.
 - ²⁵ Там же. С. 101.
 - ²⁶ Там же. С. 102–103.
 - ²⁷ Там же. С. 144. *Нольде Б.* Юрий Самарин и его время. М., 2003. С. 217.
 - ²⁸ *Феоктистов Е. М.* Указ. соч. С. 284, 320.
 - ²⁹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 550. М. П. Веселовский. Л. 504, 540.
 - ³⁰ *Никитенко А. В.* Указ. соч. Т. 2. С. 316.
 - ³¹ Из записок сенатора К. Н. Лебедева // Русский архив. 1911. Т. 2. С. 62.
 - ³² *Lampert E.* Sons against Fathers : Studies in Russian Radicalism and Revolution. L., 1965. P. 81.
 - ³³ *Мионов Б. Н.* Социальная история России периода империи (18 – начало 20 в). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. СПб., 1999. Т. 2. С. 173.
 - ³⁴ М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М., 1957. С. 431.
 - ³⁵ Обличение, по Гоголю, являлось важнейшим средством к исправлению общества См.: *Смирнова Е. А.* Общественная и эстетическая позиция Гоголя в последнее десятилетие его жизни // Освободительное движение в России : межвуз. науч. сб. Саратов, 1975. Вып. 4. С. 38.
 - ³⁶ РГИА. Ф. 982. Оп. 1. Д. 60. Л. 7.
 - ³⁷ ГАРФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 50. Л. 7.
 - ³⁸ См.: *Московские ведомости.* 1866. № 198.
 - ³⁹ *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч. : в 10 т. М., 1988. Т. 4. С. 76.
 - ⁴⁰ Цит. по: *Джанишев Г. А.* Эпоха Великих реформ. Исторические справки. 10-е изд., посмертное, доп. СПб., 1907. С. 299.
 - ⁴¹ См.: *Макашин С. А.* Салтыков-Щедрин на рубеже 1850-х – 1860-х. Биография. М., 1972. С. 510–511.
 - ⁴² См. *Зайончковский П. А.* П. А. Валуев (Биографический очерк) // Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 1. С. 41–42.
 - ⁴³ См.: *Толстой А. К.* Собр. соч. : в 4 т. Т. 1. С. 425.
 - ⁴⁴ См.: *Толстой А. К.* Сочинения : в 2 т. М., 1981, Т. 1. С. 23.
 - ⁴⁵ Сочинения Козьмы Пруткова. М., 1965. С. 435.
 - ⁴⁶ Там же. С. 317.

- 47 Сочинения Козьмы Пруткина. С. 324.
- 48 Цит. по: Ямпольский И. Г. К истории взаимоотношений Тютчева и А. Н. Майкова. URL://http://philology.ru/literature2/yampolskiy-81.htm (дата обращения : 24.04.2016).
- 49 Там же.
- 50 См.: Письмо Н. Н. Страхова Л. Н. Толстому от 7 мая 1977 года. URL://http://feb-web.ru/feb/tolstoy/texts/selectre/ts6/ts62332-.htm (дата обращения: 14.04.2016).
- 51 Толстой Л. Н. Анна Каренина. М., 1972. С. 45–47, 116–117.
- 52 Письмо Н. Н. Страхова Л. Н. Толстому от 7 мая 1977 года.
- 53 См.: Гончаров И. Литературный вечер // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 56.
- 54 Там же. С. 67.
- 55 Снякова Л. Н. Композиционные особенности «очерковой повести» И. А. Гончарова «Литературный вечер». URL://http://www.philology.nsc.ru/elib/data/Narrativ_tradits_2014/32.Sinyakova_L.pdf (дата обращения: 11.04.2016).
- 56 Снякова Л. Н. Указ. соч. С. 74.
- 57 Кизеветтер А. А. Местное самоуправление в России IX–XIX ст. Исторический очерк. М., 1910. С. 143.
- 58 См.: Кизеветтер А. А. История России. Курс лекций, читанный на МВЖК в 1915–1916 году : в 2 ч. М., 1916. Ч. 2. С. 101.
- 59 Джанишев Г. А. Указ. соч. С. 166, 299–300, 782.
- 60 Валуев П. А. Дневник. Т. 1. С. 137.
- 61 Там же. С. 329.
- 62 И. А. Христофоров причислил П. А. Валуева как чуткого к сложным комбинациям «профессионального бюрократа». См.: Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1950 – середина 1870-х гг. М., 2002.
- 63 См.: Рациональная бюрократия // Прогнозис. 2007. № 2 (10). С. 178, 182.
- 64 Валуев П. А. У Покрова в Лёвшине (в семидесяти годах). URL://http://fanread.ru/book/10783970/?page=71 (дата обращения: 18.04. 2016).
- 65 Русская старина. 1887. № 11.

Образец для цитирования:

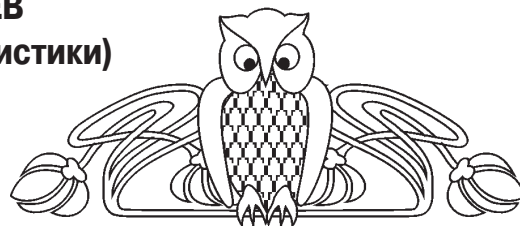
Морозова Е. Н. П. А. Валуев: пути формирования образа «министра-бюрократа» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 391–398. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-391-398.

УДК 94(47).083+929 Каляев

ПОЭТ С БОМБОЙ: ТЕРРОРИСТ ИВАН КАЛЯЕВ (опыт историко-психологической характеристики)

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: ybartho@mail.ru

В статье с привлечением различных источников, научной литературы и официальных документов проводится историко-психологический анализ мировоззрения и поступков революционера-террориста И. П. Каляева. Автор таким образом предпринимает попытку создания историко-психологического портрета одного из самых противоречивых и непредсказуемых деятелей эсеровского террора Ивана Каляева.

Ключевые слова: Иван Каляев, поэзия, религиозный фанатик, революционный террор.

The Poet with a Bomb: the Terrorist Ivan Kalyaev (the Experience of the Historical and Psychological Characteristics)

Yu. V. Varfolomeev

Involving a variety of sources, research literature and official documents, a historical-psychological analysis of the mindset and actions of a revolutionary terrorist I. P. Kalyaev is made in the article. Thus, the author attempts to create a historical-psychological portrait of one of the most controversial and unpredictable figures of the SR terror Ivan Kalyaev.

Key words: Ivan Kalyaev, poetry, religious fanatic, revolutionary terror.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-398-404

В «иконостасе» «оловянных богов» (выражение Великого князя Александра Михайловича)¹ Великой русской революции образ террориста Ивана Платоновича Каляева занимает особое место, и в первую очередь потому, что именно он был удостоен «честь» совершить убийство члена императорской фамилии – великого князя Сергея Александровича. Между тем эсеровский боевик стал еще и безукоризненным воплощением «идеального революционера», в жизни и деятельности которого образцово-показательно наличествовал весь набор стандартных достоинств борца с царизмом: фанатичное и даже романтично-поэтическое поклонение социалистическим идеям, вызывающе-мужественное поведение на суде и во время казни, жертвенный отказ от прощения о помиловании. Не случайно, что даже вождь большевиков В. И. Ленин лестно отзывался о И. П. Каляеве, подчеркнув «безупречность личности исполнителя», и возвел совершенный им теракт в ранг «образцового политического убийства»². Ленинская оценка, подобно высочайшей индульгенции, позволи-